

1905 ГОД: ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА НА УРАЛЕ

Российская революция 1905–1907 годов, несомненно, является одним из величайших событий не только отечественной, но и мировой истории. Ее влияние на различные стороны жизни общества и государства было осязаемо и для современников и, не менее, – для потомков. Революционная волна прокатилась по всей России, неся с собой веяния нового времени, пробуждая широкие народные массы к политической активности и сознательному участию в жизни общества и государства. Она оказала глубокое влияние на психологию и поведение масс, позволила почувствовать свою силу в организации и единении. Революция оказала глубокое воздействие и на правящие круги, подталкивая их проведению назревших реформ.

Первая российская революция знаменовала собой вступление человеческой цивилизации в новый период – период политических потрясений и революций. Ее события получили поддержку и сочувствие трудящихся всех континентов. Многолюдными митингами, стачками и демонстрациями выразил свою солидарность с борющимися народами России пролетариат Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. «Русские методы политического движения» стали ориентиром для многих народов Азии и Америки в борьбе за свободу, независимость и равноправие. Вслед за революцией в России последовали турецкая, персидская и китайская.

Революционное движение явило человечеству не только героическое и созидательное начало, но и трагическое, разрушительное. Наиболее дальновидные политические и общественные деятели, сочувствуя борьбе народов, в то же время, не разделяли крайних мер борьбы, используемых ими.

Многомерность российской революции начала XX века, масштабность ее последствий определяют неизменный интерес к ней широких кругов исследователей, как отечественных, так и зарубежных [1]. Каждый этап ее историографии отражает новый уровень осмысления проблем, поднятых ею. Свою специфику имеет и современный этап изучения революции.

Отказ от идеологических стереотипов позволил существенно расширить тематику исследований, вовлечь в научный оборот ранее не привлекавшиеся источники, вернуть из «небытия» имена многих крупных политических и общественных деятелей рассматриваемой эпохи, по-новому подойти к освещению и оценке известных событий и явлений революции.

Существенное значение для разработки проблемы имела выработка современной научной концепции истории XIX – начала XX веков, определение места и роли России в общечивилизационном процессе, осуществлявшиеся в коллективных трудах, на конференциях, симпозиумах, круглых столах, проводимых ИРИ РАН в последнее десятилетие [2].

В центре внимания ученых – выработка общих подходов к определению понятий «реформы» и «революции», их соотношения как проявления различных сторон единого процесса исторического развития. Анализ сущности и содержания российского либерализма и консерватизма, поиск особенного и общего между ними, обнаружение «пограничной зоны», раскрытие форм и содержания политической борьбы в период утверждения буржуазного способа производства.

Хотя в отечественной историографии пока не сложилась новая концепция революции, через дискуссии и размышления все более прочно утверждается мнение о том, что революция, с одной стороны, – это самая варварская, самая жестокая форма разрешения общественных противоречий, но, с другой, – как показывает опыт, все же остается жизнеутверждающим актом, рождением всего нового [3].

Значительное внимание историков уделено осмыслению «предыстории» первой российской революции – ее корней и причин, определивших и состав противоборствующих социальных сил, и специфические формы борьбы.

Исследователи сходятся во мнении, что революцию 1905–1907 гг. нельзя рассматривать только через призму классовых интересов. Она касалась глобальных для страны проблем. В основе ее лежал общий кризис начала XX века, который приобрел масштабный, глубокий и острый характер. Причинами его стали, прежде всего, социальные издержки капиталистической индустриализации и медленные капиталистически-рыночные преобразования традиционных укладов в сельском хозяйст-

ве, в котором было занято большинство населения страны. Она представляла собой первую попытку разрешения накопившихся противоречий и проблемы выбора цивилизационного пути развития.

В исследованиях В.С. Дякина, Л.Е. Шепелева отмечаются не только показатели промышленного роста России на рубеже XIX века, но акцентируется внимание на нарастании диспропорций в промышленности, еще более обострившие противоречия с другими сферами экономики и, в первую очередь, с сельскохозяйственной [4].

Острота аграрного вопроса превратила его в один из главных факторов первой российской революции. Его корни связывают с реформами 60-х годов XIX века, их половинчатостью и незавершенностью, сохранением к началу XX века докапиталистических форм эксплуатации крестьянства, что, в свою очередь, вело к заострению экономических и социальных отношений в деревне и усилению антипомещичьих и антикапиталистических сил и движений.

Под воздействием субъективных факторов к началу XX века аграрный вопрос постепенно переносился в политическую сферу. Отношение к нему и суть дискуссий определялись, в конечном счете, расстановкой политических сил в стране.

Процесс освобождения сельского хозяйства и крестьян от средневековых методов и форм труда и хозяйствования, по мнению историков, слишком долго откладывался, дождавшись XX века и революции. Под давлением растущего крестьянского недовольства и массовых крестьянских выступлений, изменилась ориентация его разрешения от частнособственнической – к уравнилельно-социалистической практически всеми антимоноархическими силами, подогреваемыми социалистическими партиями. Такая программа смещала акценты в спорах по аграрному вопросу с чисто экономических способов его разрешения на политические. Уравнилельная психология крестьян, сформированная общинным землепользованием, была наиболее восприимчива к политическим программам, предлагавшим национализацию и передел земли. Требование национализации земли становилось популистским и представляло собой средство борьбы за расширение социальной базы политических партий и становилось их орудием в борьбе за политическую власть. Результатом этого была растущая нестабильность, углубление конфронтации в обществе [5].

Признавая запоздалыми меры правительства по разрешению аграрного вопроса, исследователи более критично, чем в предыдущее десятилетие, оценивают и их содержание. С мнением отечественных историков солидарны и зарубежные. По выражению П. Геттерела (Великобритания) «земельная реформа, с точки зрения инициативы, стала обстоятельством, которое создало больше проблем, чем решило» [6].

Подвергается критике утверждение правящих сил и правых партий о достаточном обладании землей крестьянами и необходимости, в первую очередь, улучшения агротехники и организации крестьянских хозяйств, интенсификации сельского хозяйства и ликвидации общины как не соответствовавшие действительному состоянию русского сельского хозяйства, объективному положению и возможностями крестьянина [7].

В. Дякин, Б. Джурович отмечают, что столыпинская реформа «уже задумана была неудачно». Из своего поля зрения она выпустила помещичьи хозяйства, являвшиеся такими же отсталыми и в значительной степени полукрепостническими, что особенно озлобляло крестьянство. П. Геттерел обращает внимание на административные методы ее проведения (аргумент, выдвигавшийся еще в либеральной историографии начала XX века), которые связывали ее скорее с принуждением, чем с учетом чьих-то интересов.

Большинство отечественных исследователей приходят к выводу о том, что решение аграрного вопроса было невозможно без коренных изменений в социально-экономическом и политическом строе страны [8]. Иную точку зрения отстаивает В.И. Бовыкин. По его мнению историческое разрешение проблемы общественного устройства страны зависело не только от объективных экономических условий, но и от степени обострения социальных противоречий и их влияния на массовое сознание, соотношения и расстановки политических сил, способности партий и лидеров разработать стратегию и тактику, ведущие к успеху, их умение повести за собой массы [9].

Весьма пессимистическая точка зрения высказана Б. Джуровичем. С одной стороны, он указывает, что единственным средством «разбить окостенелые, консервативные общественные структуры» возможно было лишь насильственным путем, но с другой, – что и «после революции 1905–1907 гг. в конечном итоге остался опыт и сознание того, что «революция тоже не решает аграрный вопрос», по той причине, что он не может быть решен переворотом, указом или «большим скачком».

Для его решения, считает автор, необходимо время, тяжелый и терпеливый труд поколений при наличии и развитии материальных, технических, социальных и культурных условий, то есть – реформы, проводимые своевременно и общественными силами, являющимися носителями прогресса. В России, утверждает Б. Джурович, не было ни того, ни другого. Такая точка зрения представляется не конструктивной, так как не открывает перспектив дальнейшего изучения проблемы и не имеет выхода практического применения накопленного опыта [10].

Все более прочное место в отечественной историографии занимает проблема исторической альтернативы в России на рубеже двух веков, сочетание возможностей революционного и эволюционного развития общества и государства. Альтернативный путь, по мнению историков, мог открыться в случае преемственности буржуазно-демократических реформ 60-х годов XIX в. в соответствии с требованиями новой эпохи.

Реформистские возможности самодержавия оцениваются по-разному. К.Ф. Шацилло, В.П. Волобуев и некоторые другие акцентируют внимание на отсутствии реформаторского начала со стороны царской власти. «Правящий режим, – по словам В.П. Волобуева, – не хотел идти на уступки обществу, всячески маневрируя: то проводя жесткий курс В.К. Плеве, то пытаясь руками Булыгина – успокоить благонамеренную часть общества. Он рассчитывал (и правильно) на слабость либерального движения и политическую бесхребетность молодой русской буржуазии и ее политических представителей в лице только что оформившихся партий кадетов, октябристов и других более мелких» [11].

Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин не отрицают реформаторскую деятельность правительства, но подчеркивают, что те перемены в жизни общества и государства, которые осуществлялись им, оказывались исторически недостаточными по сравнению с общей реформаторской активностью, числом, размахом и степенью радикальности разрабатывавшихся преобразовательных проектов [12]. Р.Ш. Ганелин обращает внимание на наличие внутренней логики реформаторского процесса, в силу которого уже произведенные изменения с неизбежностью влекли за собой дальнейшие. В то же время автор распространяет этот вывод, прежде всего, на политическую сферу. В аграрной сфере, по его мнению, процесс разработки правительственных мероприятий ограничивался лишь «то нараставшим, то уменьшавшимся страхом самодержавия и помещиков перед крестьянским революционным движением и стремлением направить социально-экономическое развитие в деревне по наиболее безопасному руслу» [13].

Более детальное исследование аграрного законодательства, осуществленное в работах В.С. Дякина, позволяет говорить об определенной логике реформ и в этой сфере, обусловленной как потребностями национальной экономики, так и факторами мирового хозяйства. Революция 1905–1907 годов, по его мнению, внесла свои коррективы, открывающие путь к более глубокому проникновению капитализма в деревню. Препятствием к реализации этой программы стали, прежде всего, финансовые трудности и просчеты. Основная масса бюджетных расходов царизма, отмечает В.С. Дякин, приходилась во все увеличивавшемся объеме на подготовку к мировой войне, содержание административно-карательного аппарата и государственно-хозяйственного механизма и на выплату процентов по внешнему долгу [14].

На финансовые трудности как на одну из причин неудачи реформаторского пути указывают и зарубежные исследователи. По мнению П. Геттерела (Великобритания) перед российским правительством в начале XX века стояла трудная задача совместить одновременно проведение реформ и восстановление национального престижа на международной арене, пошатнувшегося после Цусимской катастрофы. В итоге, резюмирует автор, российскому правительству приходилось жертвовать реформами и финансовой дисциплиной на алтаре дипломатического престижа [15].

Положительной стороной в развитии отечественной историографии революции 1905–1907 гг. следует отметить преодоление предельной политизации и априорных схем в освещении вопроса о взаимосвязи экономического развития России и революционного движения. Изучение на основе массовых данных взаимодействия промышленной конъюнктуры, положения рабочих и стачечного движения накануне и в ходе революции, позволило сделать вывод об отсутствии жесткой зависимости между ними. В этой связи было признано необходимым более пристальное изучение содержания и роли общественного сознания, его влияния на поведение массовых слоев общества и, в первую очередь, рабочего класса [16]. Аналогичное мнение высказали и некоторые другие отечественные и за-

рубежные авторы: Н.А. Иванова, Д. Коннер, И.М. Пушкарев, В. Розенберг, Х. Хоган, Л. Хаймсон, Р. Петруша [17].

В исследованиях И.Ю. Кирьянова акцентируется внимание на разноликости пролетариата, наличии в нем наряду с передовым слоем, носителем пролетарской идеологии, средних и низших слоев, еще не порвавших связь с землей и сохранявших крестьянские представления и психологию. При известном различии менталитета между ними, исследователь отмечает и некоторые общие черты, сформировавшиеся в результате роста (развития) рабочего класса, воздействия социально-политических реалий начала XX в. и факторов международного характера: стремление к материальному достатку, к обостренной «человеческой» культурной жизни, к защите своего достоинства, своих прав человека и рабочего, к объединению. Все это свидетельствовало о том, что на рубеже веков рабочие осознали себя «особым сословием» со своими представителями и «своим» особым поведением [18].

Высокие темпы концентрации рабочих России в ходе индустриализации содействовали тому, что политическое значение их становилось несоразмерно больше их численности. В современной отечественной и зарубежной исторической литературе подтверждается ведущая роль рабочего класса в революционных событиях 1905–1907 гг. [19].

Механизм формирования массового сознания. Его структура и динамика на рубеже XIX–XX веков получили отражение в ряде монографических исследований [20]. Авторы отмечают радикальные изменения картины мира под влиянием событий 9 января 1905 года, последующих социально-политических процессов. Г.В. Лобачева подчеркивает, что переориентация массового сознания шла болезненно, порождала общественную нестабильность, идеологическую и политическую поляризацию общества. Оппозиция режиму приобретала все более радикальную форму. Ю.И. Кирьянов показал тенденцию к «корректировке» менталитета в рабочей среде, которая проявилась в переориентации его в пользу социально более активных рабочих. Эти сдвиги выразились, в первую очередь, в изменении представлений о способах улучшения своего положения, отношении к самодержавно-полицейским порядкам, к леворадикальным партиям и в стремлении к организации [21].

Выводы, сделанные авторами на основе широкого круга источников, позволяют подвергнуть критике мнение тех исследователей, которые утверждают о таком кризисе национальной картины мира в условиях революции 1905–1907 годов, в результате которого «в качестве истины стала фигурировать некая грубая карикатура, которая представляла власть как некое сосредоточие зла и насилия» [22]. Большинство отечественных и зарубежных исследователей проявление столь глубокого расхождения между обществом и властью относят к рубежу 1917 года [23].

В период Первой российской революции Г.В. Лобачева отмечает лишь начало постепенного размывания авторитета государственной власти в условиях резкого расхождения социопатерналистских установок массового сознания и реальной практики, начало поляризации взглядов между концепцией патриархальной власти, отражавшей устремления консервативной части общества, и концепцией политической модернизации, присущей либеральной части общества [24]. При этом автор подчеркивает устойчивость консервативного начала в массовом сознании, его укорененность в традициях, обычаях, религиозности и социальной корпоративности. Которые не были разрушены революцией 1905–1907 годов. Сходное мнение относительно менталитета российских рабочих высказывает Ю.И. Кирьянов [25].

В связи с проблемой общественного сознания следует отметить внимание исследователей к изучению периодической печати периода Первой российской революции, идеологической борьбы за умы и настроение масс различными политическими силами. Анализ вышедшей в последнее десятилетие литературы позволяет говорить о преобладании интереса к деятельности несоциалистических партий. А также самого правительства, что в значительной мере является следствием перекоса внимания к революционной проблематике на предыдущих этапах развития отечественной историографии [26].

В монографии А.В. Лихоманова раскрывается борьба самодержавия за общественное мнение средствами печатного слова. Автор приходит к выводу о том, что в начале революции самодержавие располагало крайне скудными средствами для борьбы в печати со своими политическими противниками. Основными средствами, имевшимися «на вооружении» государственного аппарата он выделяет цензурное давление на либеральную печать, издание официальных и официозных органов печати, а также выпуск различных брошюр для народа. Недостатками в идеологической деятельности само-

державия А.В. Лихоманов отмечает «слабость цензурного аппарата», неэффективность действия «Временных правил о повременных изданиях» (от 24. 11. 1905 г.), что и побудило правительство ужесточить меры воздействия на печать в 1906–1907 годах; ограниченное влияние официальных изданий и официозов, которые не могли противостоять массе газет и журналов, находившихся в частных руках; ошибочную тактику идеологической пропаганды, предполагавшую лишь контрпропагандистские мероприятия. Более эффективным средством считает он выпуск брошюр для народа, которые учитывали специфику читательской среды, давали большую свободу в критике противника. Первые шаги к созданию стройной системы государственной пропаганды, охватывавшей все слои общества, он относит к концу 1906 – началу 1907 годов [27].

Не все выводы автора представляются убедительными. Вряд ли одними запретами и созданием превосходящих в количестве изданий можно было преодолеть возникший духовный и идейный кризис общества в условиях начавшейся революции. Недостаточно представлена в работе содержательная сторона официальных изданий. Не определено и значение церковной печатной пропаганды, являвшейся неотъемлемой составной частью официальной пропаганды государства в рассматриваемый период.

Активно разрабатываемой в отечественной историографии Первой российской революции остается проблема рождения многопартийности. Отход от жестких идеологических установок, стремление к объективному освещению сложной политической борьбы обусловили рост монографических изданий по истории партий и движений, практически всего политического спектра. Значительно усилилось внимание к деятельности несоциалистических партий, в том числе в региональном аспекте, что способствует более глубокому осмыслению общего хода развития партийного строительства в период революции 1905–1907 годов, выявлению общих закономерностей и региональной специфики [28].

Активизировалась публикация архивных материалов: документального наследия кадетской партии, октябристов, правых, Совета объединенного дворянства. В научный оборот введен значительный пласт новых документов, отражающих основные программные и тактические установки партий, деятельность как центральных, так и ряда региональных отделов [29].

Оживился интерес к проблеме персонификации, что привело к публикации значительного числа воспоминаний лидеров и активных участников событий 1905–1907 годов, а также статей и работ монографического характера о них [30].

Мемуарная литература, неизменно пользующаяся повышенной популярностью среди читателей, способствует преодолению имеющегося схематизма научных концепций. Она представляет многообразие мнений, суждений и оценок о событиях революции 1905–1907 годов, воссоздает колорит эпохи «повышенной температуры». В то же время эта ситуация усиливает значение сравнительно-сопоставительного метода исторического исследования зачастую альтернативных оценок и взглядов на революции, идущие от представителей различных политических сил и групп населения. К сожалению, далеко не все авторы, использующие те или иные оценки современников о событиях и процессах революционного периода аргументировано обосновывают свою собственную позицию [31].

Критическое осмысление накопленного материала по истории политических партий и движений в условиях Первой российской революции привело к корректировке ряда важных методологических подходов. Так, типология политических партий, основанная на классовом подходе, уступает место более корректному основанию деления партий по их основной, сущностной характеристике, определяющей подход к решению назревших задач как в политической, так и в социальной и экономической сферах. Понятиям «помещичье-монархические», «буржуазно-консервативные» и т.п. приходит более глубокое осознание их сложной социальной базы и направленности деятельности и определение как праворадикальных, либеральных и леворадикальных или социалистических [32].

Смещаются и оценки характера и деятельности различных политических партий. Происходит постепенный отказ от априорной оценки правых партий и примыкавших к ним умеренно-либеральных как реакционных. В значительной степени этому способствовало изучение консерватизма как сложного комплексного явления, имеющего определенную социальную природу, психологические и идейные истоки, различные политические формы проявления [33].

Существенное значение оказала и разработка истории отдельных праворадикальных партий. В общем числе работ по партийному аспекту революции 1905–1907 годов исследования этого на-

правления оказались преобладающими. Подобная ситуация является, с одной стороны, следствием явного недостатка внимания к ним на предыдущих этапах развития отечественной историографии, а с другой, – отражает практику возрождения в настоящее время политических союзов и организаций правого толка, поднимающих на щит идеи консерватизма. В работе С.А. Степанова и ряде региональных исследований отмечается демократическое начало в правомонархическом движении, закономерность оживления консерватизма и русского национализма в условиях начавшейся революции и активизации национальных движений; его ориентация на поиск сотрудничества с властью и противодействие левому радикализму [34].

Новым методологическим подходом в отечественной историографии следует отметить поиск общего и особенного между либерализмом и консерватизмом, обнаружение «пограничной зоны» между ними, выявление сущности этих явлений через их основную социально-политическую функцию. Решению этих проблем были посвящены ряд международных, и всероссийских научно-практических конференций, круглых столов [35]. Среди монографических изданий особое место занимают работы В.В. Шелохаева, в которых предпринят комплексный подход к изучению истории политических партий, ориентированных на либеральную модель переустройства российского общества и государства. Представляется перспективным дальнейшее развитие этого подхода, в том числе на региональном уровне и применительно к политическим партиям правого спектра.

Вовлечение в научный оборот нового массива источников и применение современного метода корреляции позволили внести определенные коррективы в представления о социальном составе и численности несоциалистических партий в условиях Первой российской революции. Самыми массовыми признаны правые союзы и организации, насчитывавшие в своих рядах более 410 тыс. чел. Численность октябристов определяется в 75–80 тыс. чел. В характеристике кадетских рядов проявилась тенденция к увеличению их с 50–60 тыс. до 70 тыс. [36].

Наряду с определенными достижениями в изучении политических партий правого и либерального толка в последнее десятилетие, в отечественной историографии все же присутствует отпечаток прежнего схематического подхода к ним. Аргументация правых в защиту монархического принципа и ценностей, связанных с ним, преподносится, как правило, через призму неприятия его как такового. В освещении социально-экономической программы правых партий недостаточное внимание уделяется эволюции их требований в условиях революции, нашедшее отражение в политической платформе на выборах в Государственную Думу. Спорным представляется и тезис о предпочтении черносотенцами мелкого ремесленного производства в противоположность развитию крупной промышленности. Следует учитывать, что требование поддержки среднего, мелкого и кустарного производства выдвигалось ими как временная мера преодоления кризисных явлений в промышленности, как способ разрешения острой проблемы безработицы в тех регионах, где техническая реконструкция предприятий наиболее болезненно отразилась на положении местного населения. Что касается негативного отношения к крупным предприятиям монополистического типа, то оно было свойственно не только им. Законодательные ограничения монополистических объединений были типичны для развития американской экономики и в прошлом и в настоящем и признаны эффективным средством обеспечения свободы конкуренции и предпринимательства.

История политических партий и организаций правого спектра вызвала интерес и зарубежных исследователей [37]. В монографии профессора университета штата Айова Дона К. Раусона, получившей положительный отклик в отечественной литературе, обстоятельно описывается процесс формирования правых политических партий и их роль в политической жизни 1905–1907 годов [38]. Выводы автора в целом совпадают с выводами отечественной историографии о неоднородности правого лагеря, делении его на умеренных и крайних. В то же время, Раусон проводит между ними более резкую грань по политическим целям и тактике. Раусон, как и другие западные историки, относит правительство и правых к разным политическим лагерям и рассматривает подъем русской политической правой в начале XX в. как консервативную реакцию на модернизацию социально-экономических и политических структур Российской империи. Заслуживает внимания точка зрения К. Раусона о том, что отправной точкой в процессе развития правого движения явился рескрипт от 18 февраля 1905 г. Булыгину и намерении созвать представительное учреждение, что подтверждается конкретно-историческими фактами, в том числе на региональном уровне. Объективно оценивает К. Раусон и рост влияния правых на выборах в Государственную думу. По его мнению, он был след-

ствием не только изменений в политической ситуации и законе о выборах, но роста их собственного политического опыта использования избирательных кампаний.

На фоне общего роста исследований по истории несоциалистических партий и движений в отечественной историографии 90-х годов, отчетливо проявляется сокращение работ по истории социалистических партий, а также традиционных для советской историографии проблем рабочего, крестьянского и других массовых движений в условиях революции 1905–1907 годов. Среди немногочисленных работ этого направления положительный отклик в отечественной историографии получили работы С.В. Тютюкина «Меньшевизм: страницы истории» (М., 2002), А.П. Логунова «Революция 1905 г. и российская социал-демократия» (Ростов на Дону, 1992), М.И. Леонова «Эсеры в революции 1905–1907 гг.» (Самара, 1997), а также ряд изданий, выполненных на региональном уровне [39].

Работы вышеназванных авторов выполнены на солидной источниковой основе, содержат богатый фактический материал, позволяющий проследить эволюцию большевизма к коммунизму уже в 1905 году, а меньшевизма – к демократическому социализму. Авторы показывают глубокие сдвиги в сознании крестьянства под влиянием революционных событий, столкновение бунтарских и реформистских тенденций в крестьянском движении, рост стачечной борьбы рабочего класса под руководством большевиков. В работе С.В. Тютюкина представлены новые аспекты деятельности меньшевиков, которым на предыдущих этапах развития отечественной историографии уделялось недостаточное внимание: их социальная психология, общественно-политическое поведение; в изложение вводится значительное число биографических сведений о наиболее выдающихся представителях данного политического течения. Несомненным достоинством методологического подхода автора явилось критическое переосмысление накопленного исторического материала на основе комплексного использования уже известных документальных источников, лишенное, в то же время, «очернительных стереотипов, антиисторических штампов». Однако в целом раздел по истории социалистических партий в историографии революции 1905–1907 годов, по мнению С.В. Тютюкина, признанного историографа истории Первой российской революции, остается в состоянии глубокого кризиса [40].

Сокращение интереса к истории большевизма в период Первой революции в России отмечается и в зарубежной литературе 90-х гг. Внимание западных исследований привлек лишь аспект террористических методов борьбы [41].

Недостаток внимания к собственно революционной проблематике истории революции 1905–1907 гг. негативно отразился и на учебной литературе. В ряде современных вузовских учебников по истории Отечества она предстает как «переговорный процесс» в ходе которого представители либеральных кругов общественности (и самого правительства) оказывали «давление» на власть с целью принятия тех или иных реформ. Картины роста революционных выступлений народов России, практически, не видно. Представляется необходимым дальнейшее изучение революционных движений массовых слоев российского общества в условиях революции на основе использования широкого комплекса источников и современных методов исследования, свободных от прежних догматических схем.

Одним из важнейших моментов политического развития России в условиях революции 1905–1907 гг. явилось создание первого представительного учреждения – Государственной думы – на основе Манифеста 17 октября 1905 г. и последующих законодательных актов. В отечественной литературе по-разному трактуется сущность «обновленного» государственного строя России, но признается неоспоримым тот факт, что своим рождением он обязан именно революции [42]. На основе широкого круга источников и анализа конкретно-исторической обстановки принятия этих актов, исследователи показали стремление авторитарного режима оттянуть сроки политических преобразований, сохранить самодержавие в его неограниченном виде. Лишь в условиях революции, под давлением массовых выступлений рабочих и крестьян, а также оппозиционных сил, царизм вынужден был пойти на определенные уступки. В то же время исследователи отмечают, что представительный строй был введен в России с опозданием и, что неизбежным следствием его формирования в условиях революции стал радикальный характер состава Думы и ее деятельности.

Вместе с тем, в отличие от ранее существовавшей схемы, согласно которой «политическая косность» была присуща лишь верховной власти и правящим верхам, в современных исследованиях обращается внимание на устойчивость консервативной идеологии в различных слоях общества. Р.Ш. Ганелин высказывает мнение о том, что причиной торможения политических реформ могли

быть такие свойства общественного сознания, как желание избежать резких и поспешных перемен или расчетливое стремление сохранить резерв возможных уступок на будущее. Не исключается им и личностный фактор, а именно, соперничество между Святополк-Мирским и Витте [43].

Среди монографических изданий по истории первого опыта российского парламентаризма следует выделить работу вятского историка А.П. Бородина «Государственный совет России» [44]. Она стала первой монографией по истории верхней палаты Высшего представительного учреждения России начала XX в. Автор проанализировал личный состав Государственного совета, его деление на фракции; показал отношение к законодательным инициативам Государственной думы в 1906–1907 гг. и в послереволюционный период. С 1907 года, по мнению автора, отмечалось усиление консервативных элементов в Государственном совете, что, в конечном счете, превратило его в «гибельную запруду» на пути реформ [45]. Данный вывод не является бесспорным. По мнению В.М. Шевырина, «ни при Столыпине, ни позже Государственный совет не стал «заглушкой» для эволюционного развития России». По его мнению, несмотря на возрастающую в 1907–1914 гг. численность правых в Государственном совете, им не удалось превратить верхнюю палату в кладбище реформ [46]. В.А. Демин считает, что Государственный совет являлся не столько «гибельной запрудой», сколько средством правительственного контроля за постановлениями Думы. Верхняя палата, отмечает он, ограничивала реформаторские порывы нижней, но не останавливала их вовсе [47].

Недостаточно освещенным остается в отечественной историографии вопрос об идеологических установках фракционных групп Государственного Совета, почти не нашедший отражения и в монографии А.П. Бородина.

На рубеже XXI в. возросло внимание исследователей к истории нижней палаты российского парламента – Государственной думе. В поле зрения историков все активнее вовлекаются вопросы истории формирования и деятельности думских фракций. В числе монографических исследований следует отметить работу В.А. Козбаненко, выполненную в хронологических рамках Первой российской революции. Автор проследил позиции основных фракций Думы первого и второго созывов в решении ключевых вопросов, поднятых революцией [48]. Обстоятельно, с привлечением обширного документального материала проанализирована работа Думы всех четырех созывов в монографии А.Ф. Смирнова. В.А. Демин сосредоточил основное внимание на вопросах создания и механизма функционирования Государственной думы, пределах ее компетенции и полномочий, месте в системе высших органов власти. Автор осветил технический механизм выработки и принятия решений на всех стадиях осуществления думской процедуры. Особое внимание исследователей привлекли аспекты взаимоотношения власти и народного представительства. Их мнение сходно в том, что конфронтационность I и II Государственных дум определялась, в первую очередь, «неумеренными амбициями депутатов». Не снимается авторами со счетов и некоторая неготовность правительства, в частности к началу работы I Думы, которой оно первоначально не предложило никаких законопроектов, и лишь к началу работы II Государственной думы сумело подготовить пакет широких и неотложных реформ. Принципиально иначе, чем в советской историографии оценивается ими поведение и методы деятельности оппозиционной части Думы. «Члены I Думы, – отмечает В.А. Демин, – ...начали бороться с министрами методами площадной брани. Их и их представителей встречали в Думе криками: «В отставку!», «Погромщики!», «Убийца!», «Палач!», «Вон его!», «Разбойник!», «Долой!» и т.п.» [49]. Некоторое смягчение тональности прений во II Думе не решило проблему кардинально, так как не изменило притязаний Думы на власть. Убедительными в этой связи представляются выводы А.Ф. Смирнова о том, что оппозиционное большинство Думы сосредоточило свое внимание не столько на обсуждении предложенных правительством реформ, сколько на выдвижении требований в радикальном духе, стремясь подчеркнуть при этом, что они выступают от имени многомиллионной народной массы. В этой ситуации роспуск Думы первого и второго созывов признается авторами неизбежной и вынужденной мерой правительства. Основным итогом деятельности «революционной» Думы, по мнению В.А. Демина, стал «подрыв идеи конституционного строя и мирной трансформации России в правовое государство». Выводы А.Ф. Смирнова не столь категоричны. Признавая акт от 3 июня 1907 г. проявлением государственного переворота, он отмечает не только его отрицательную, но и положительную (созидательную) сторону, позволившую создать работоспособное представительное учреждение в лице III Думы. Следует отметить, что и В.А. Демин, анализируя результат ее работы, вынужден был констатировать, что «III Государственная Дума, созданная на основе нового избирательного закона, интегрировалась в политическую систему Российской им-

перии, которая перестала мыслиться без народного представительства». Таким образом, в оценке событий 3 июня 1907 г. в отечественной историографии происходит сближение с мнением, утвердившимся в либеральной западноевропейской историографии [50].

По-разному характеризуется в отечественной историографии общий итог деятельности первого «парламента» России. А.Ф. Смирнов отмечает пусть небольшие, но положительные сдвиги Думы в формировании законодательной основы эволюционного развития России, В.А. Демин же, напротив, акцентирует внимание на неэффективности ее деятельности, как в сфере контроля над деятельностью административной власти, так и в процессе создания законодательной базы реформировавшегося общества. Тезис об «исторической обреченности» Думы является, в целом, преобладающим в отечественной историографии, в то время, как в западной литературе в большей степени отмечается ее жизнеспособность и подчеркивается ошибочность самой Думы и правящих кругов, отвергших компромисс и тем самым упустивших шанс на мирную трансформацию страны. По мнению В.М. Шевырина несостоявшийся компромисс можно объяснить формулой «заложники времени». Именно таковыми, по его мнению, оказались в самом суровом и трагическом значении этих слов, не только участники «имеющего быть» компромисса, но и все россияне в начале XX века. Смысл этой формулы состоит в том, что время, упущенное для преобразований, создало «сверх напряженное» поле, «перегретое» политико-идеологическое пространство, сообщившее российскому обществу огромное несоответствие, неадекватность его ожиданий и реальности, ведущих ко все большему разгору насилий справа и слева и обуславливающих, в свою очередь, проблематичность выживания холодных расчетов реформаторов [51]. Ф.А. Гайда привлек внимание к вопросу о роли либеральной оппозиции в Думе и ее ответственности за срыв возможного компромисса. Автор на основе анализа парламентской и иных форм деятельности российских либералов в 1914–1917 гг. показал их стремление к соучастию во власти: «Либералы были уверены в своем приходе к власти в будущем (об этом свидетельствовал европейский опыт); вера в историческую закономерность ослепляла, мешала учитывать реальные обстоятельства, во многом снимала вопрос личной ответственности» [52].

В круг проблем, разрабатываемых в последние годы в отечественной историографии, в связи с изучением процесса модернизации России на рубеже XIX – начала XX веков, все активнее включаются вопросы, связанные с историей монархии, монархической государственности, монархического сознания и монархического движения. Переосмысление марксистской схемы повернуло историков к углубленному изучению института монархии в России, истории династии Романовых на различных этапах развития российского государства. Широкий круг проблем, связанных с данной тематикой, получил освещение на конференциях, «круглых столах», в монографических работах и публицистических изданиях [53]. В результате научных поисков меняется понимание «успешности» и «последовательности» в проведении «реформ сверху». Отмечается, что в этом процессе превалировали не классовая, а общегосударственная составляющая. Историки все более сходятся во мнении, что монархи могли совершать лишь то, что было реально достижимо в конкретных исторических условиях. Более обстоятельно этот аспект раскрыт в хронологических рамках XIX в.

Роль последнего императора из царствовавшей династии Романовых в реформаторском процессе начала XX в. оценивается в современной отечественной историографии по-разному. Большая часть историков высказывается на этот счет критически. Именно с позицией Николая II, жесткого приверженца консерватизма, и, прежде всего в отношении самодержавного принципа, связывают они промедление с введением в России конституционализма и парламентаризма, замедление и деформацию естественно-исторического процесса модернизации России, что вело к «перегрузкам» в социальной сфере и усилению конфликтности во всех областях общественной жизни [54]. Ряд авторов обращает внимание на то, что Николай II (хотя и консерватор) не был «раз и навсегда» противником всяческих преобразований; если его убеждали, что та или иная мера будет способствовать укреплению государства, то он почти всегда ее поддерживал. Ослабление самодержавия и его последующий уход с исторической сцены авторы связывают с «сочетанием роковых обстоятельств», составляющих портрет России конца XIX в. [55]. В последние годы все заметнее становится тенденция к обелению личности последнего императора и его роли в событиях рубежа XIX–XX вв. Один из самых ярких примеров тому – книга А.Н. Боханова «Сумерки монархии» (М., 1993). Автор представляет императора исключительно с положительной стороны, как тонкого политика и глубоко нравственного человека. Неудачи на пути реформ А.Н. Боханов связывает, прежде всего, с деятельностью либеральной оппозиции, ее самонадеянностью и притязаниями на обладание «истиной в последней

инстанции», что, в конечном счете, вело к разжиганию идеологических и политических конфликтов [56]. Такая точка зрения представляется верной, но только относительно – относительно противоборства двух политических лагерей – консервативного и либерального. Но она упускает из вида третью, основную силу, действовавшую в революции 1905–1907 гг. – революционную силу народных масс. В исследованиях Н.Г. Думовой, К.Ф. Шацилло, В.В. Шелохаева, Ф.А. Гайды действительно, отражается процесс эволюции российского либерализма в сторону «розовения» и даже «покраснения» в условиях начавшейся революции. Но при этом авторы подчеркивают, что главной своей задачей либералы считали «обуздание» революции, введение ее в конституционные рамки, подчинение ее своим целям и недопущение развития по типу якобинской диктатуры 1848 г. Кроме того, либеральный лагерь не был единым. Его правое крыло, вполне удовлетворенное изданием Манифеста 17 октября 1905 г., активно выступило в поддержку «исторической власти» и против революции. Еще более окрепла эта тенденция с созданием и деятельностью Государственной думы. Многообразие мнений определяется не только различием методологических подходов, субъективных мнений, но и обстоятельствами политического характера. Все это обуславливает необходимость продолжения взвешенного и обстоятельного анализа истории российского монархизма, выяснения причин его ухода с исторической сцены.

В прямой связи с изучением проблемы развития государственности в России в начале XX в. внимание исследователей все более привлекают вопросы развития этнических процессов. Если на предыдущих этапах развития отечественной историографии авторы акцентировали внимание на аспекте превращения национального вопроса в один из ведущих факторов политической борьбы, то сегодня акценты меняются. Новый подход в отношении истории мусульман России в условиях Первой революции демонстрирует С.М. Исхаков. Подходя к российским мусульманам как особой формирующейся социокультурной общности, автор прослеживает изменения, происходившие в ней под влиянием социально-политических факторов начала XX в.; постепенное втягивание их в процесс политизации. Определяя специфику этого процесса сближения с прогрессивными элементами российского общества, С.М. Исхаков приходит к выводу о том, что полностью слиться с русским освободительным движением мусульмане не могли, ибо многое в нем не могли понять и, кроме того, оно во многом противоречило их традициям и жизненным устоям. Именно этим он определяет то обстоятельство, что в целом мусульмане почти не участвовали в революционных событиях, не сыграли заметной роли в них. Движение мусульман рассматривается им как культурнически-прогрессистское в рамках реформаторской линии [57]. В то же время, применительно к вопросу об этническом развитии мусульман России в условиях Первой российской революции, С.М. Исхаков отмечает отставание отечественной историографии от зарубежной и в методологии исследования и в количестве вышедших в последнее десятилетие научных работ. Негативным моментом считает он то, что на смену прежним схематическим установкам приходят другие, не менее спорные, которые, как правило, не привносят ничего нового и игнорируют внутреннюю специфику национальных движений [58].

Стремлением к объективному анализу накопленной исторической практики в области социальных отношений отличается коллективная монография «Национальный вопрос в Государственных думах России». Авторы, отказавшись от ранее господствовавшего представления о России как о «тюрьме народов», но и не лакируя действительность в угоду политической конъюнктуре сегодняшнего дня, осветили основные вехи в деятельности законодательного учреждения в области урегулирования межнациональных отношений. Высокий уровень критичности при рассмотрении вопросов национальной жизни в заседаниях Государственной думы объясняется ими с одной стороны, просчетами самодержавия в национальной политике, а с другой стороны, – фактором общего оппозиционного настроения к верховной власти в условиях революции. В то же время, они отмечают, что сам факт возможности гласного, основанного на парламентских нормах обсуждения этих проблем, освещаемых в печати и в отдельных изданиях на общегосударственном уровне, был явным свидетельством движения России по пути демократического развития. Хотя ни один вопрос, связанный с положением народов не получил разрешения ни в I, ни во II Думах, причинами этого факта стали, по мнению авторов книги, – «неудовлетворительный состав» Думы: слишком радикальный для правительства, не склонный находить взаимопонимание с ним, а также низкая степень реального влияния парламента на внутреннюю политику режима [59].

В последнее десятилетие возрос интерес к изучению русского национализма начала XX в. Объектами исследования стали идеология и практика деятельности Всероссийского национального

союза (1908–1911 гг.) [60]. Существенное внимание национальному аспекту уделялось в работах по истории российского консерватизма [61]. В оценке идейного арсенала и практики русских националистов наметился более взвешенный подход, освобожденный от прежних штампов и категорических суждений. Активизировалось изучение этнических вопросов и на региональном уровне. Сочетание обоих подходов позволяет выявить как общее, так и особенное в процессе развития различных народов, населявших страну, изменения, происходившие внутри них под влиянием социально-политических факторов начала XX в.

Одним из значимых регионов исследования выступает Уральский регион. На его территории, в рассматриваемый период, были расположены четыре губернии: Вятская, Оренбургская, Пермская и Уфимская, связанные между собой не только общностью географического положения, но и многочисленными нитями хозяйственно-экономического, духовного и политического развития. Урал являлся крупным промышленным и культурным центром, в котором проживало более 10% населения страны. Уральский край сформировался как многонациональный. Большинство населения составляли русские (71,4%), значительные группы населения составляли башкиры (12,8%), татары (4,6%), удмурты (4,1%), марийцы (2,5%), коми-пермяки (1%). По губерниям соотношение русского и других народов распределялось следующим образом: в Уфимской губернии нерусское население составляло 62%, в Оренбургской – 30%, в Вятской – 23%, в Пермской – 10% [62].

Раннеиндустриальная модернизация второй половины XIX – начала XX вв. привела к позитивным сдвигам в экономике края, росту промышленности и железнодорожного строительства, что постепенно ликвидировало обособленность региона, стимулировало оживление экономической жизни, создало предпосылки для укрепления позиций Урала в масштабах страны.

В период с 1863–1900 гг. здесь было построено 18 металлургических заводов, из них – 16 – в 1880–1890 гг. Большинство вновь построенных заводов было расположено в незанятых прежде горнозаводчиками землях Северного и Южного Урала – в Пермской и Уфимской губерниях. Индустриализация сопровождалась реконструкцией металлургической промышленности, внедрением горячего дутья в доменное производство, мартеновского способа, использованием новых видов энергии. Заводское производство по своей технической вооруженности интенсивно переходило от старого мануфактурного в стадию индустриального предприятия, возрастала концентрация и специализация производства. В начале XX в. активно пошел процесс акционирования предприятий.

Региональной особенностью промышленного развития Урала являлось сохранение «оригинального строя» горнозаводской промышленности. Специфика его заключалась в существовании окружной системы – горнозаводских округов, многоотраслевых, замкнутых и, как правило, самообеспечивающихся хозяйств, которые включали в себя горнодобывающие, топливные, металлургические, передельные, а также ряд вспомогательных предприятий, обслуживающих их производство. Основным принципом окружной системы являлась нераздробляемость горнозаводского землевладения и обязательственные отношения горнозаводчиков и горнозаводского населения. К началу XX в. эта система стала препятствием к развитию капитализма, требованиям свободного предпринимательства.

Наряду с ростом крупной промышленности, на протяжении второй половины XIX – начале XX вв. на Урале наблюдался непрерывный рост мелких промысловых кустарно-ремесленных заведений. В условиях затянувшейся технической модернизации и длительного (вплоть до 1909 г.) промышленного кризиса начала XX века, они позволяли создать места занятости для местного населения и обеспечивали его многими необходимыми предметами потребления. Численность рабочих, занятых в крупной и мелко-кустарной промышленности определяется исследователями примерно одинаковой – по 250–270 тыс. чел.

Наиболее развитой в промышленном отношении, являлась Пермская губерния. Удельный вес фабрично-заводских рабочих в общей численности населения составлял 5,1%. Данный показатель уступал лишь Московской и Владимирской губерниям.

Промышленное развитие края сопровождалось ростом грамотности и культурного уровня населения. Особенно заметным был рост грамотности среди рабочих горнозаводской промышленности. Доля грамотных среди них составляла 41,7%, в то время, как в крае в целом – 17,9%.

Основная масса населения края в конце XIX в. была занята в сельском хозяйстве (81,2%). Аграрный сектор Урала ранней модернизацией, практически, не был затронут. Большинство крестьян жило поземельными общинами (93,2%) [63]. Острой была проблема малоземелья. На Урале она име-

ла своеобразную окраску: в горнозаводской его части аграрный вопрос был не только крестьянским, но и рабочим. Местные рабочие, как правило, пользовались усадьбой, покосом, выгоном, а некоторые пашней.

Большие осложнения между заводовладельцами и горнозаводским населением были внесены при проведении реформы 1861 г. По уставным грамотам население получило в два раза меньше земли, чем оно имело при крепостном праве. В условиях экономического кризиса начала XX в., сокращения производства, закрытия ряда горнозаводских предприятий, усиления безработицы аграрный вопрос на Урале обострился. Рабочие добивались увеличения надела с целью повышения натуральной части заработной платы. Судебные инстанции были перегружены спорными делами; население посылало сотни прошений в адрес верховной власти, министрам, местной власти с просьбой о помощи. На огромном пространстве горнозаводских округов в 99 тыс. десятин, как отмечали современники, называли корни «новой пугачевщины»

Рост грамотности и культурного уровня населения вели к переменам в мировоззрении, изменению взглядов на социально-политическую и классовую структуру общества, способствовали росту самосознания, гражданственности, пробуждению чувства протеста против экономических и политических условий, в которых приходилось им жить и трудиться. Росло сознание необходимости коллективных действий в отстаивании своих интересов.

На волне общественного подъема на Урале в конце XIX в. начинают формироваться политические партии. Первыми возникли социал-демократические и социал-революционные комитеты и группы, призывавшие к решительной борьбе с капиталистами и царским самодержавием. С каждым годом росло стачечное движение. В 1901–1904 гг. зафиксировано 68 стачек, что втрое превышало уровень 70-х годов XIX в.

Предвестником событий 9 января 1905 г. стал на Урале расстрел безоружных рабочих Златоустовского завода 13 марта 1903 г. В ответ на невыполнимые требования бастующих, приказом уфимского губернатора, по ним был открыт огонь: убито и умерло от ран 69 чел. Действия властей вызвали возмущение по всей стране. На Урале возросло стачечное движение и усилился террор против заводской администрации.

Весть о событиях 9 января в Петербурге быстро достигла Урала. Листовками, митингами, сборами пожертвований в пользу семей, расстрелянных питерских рабочих, выразили свою солидарность передовые отряды уральских рабочих. В то же время, революционные выступления в январе – апреле носили на Урале локальный характер. Массовое революционное движение развернулось с весны 1905 г. На крупных заводах – Нейво-Алапаевском, Нижне-Тагильском, Верхне-Уфалейском, Симском и других – рабочие составляли общественные приговоры и петиции о желательных реформах в России: об учреждении представительства на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и о полных гражданских свободах. В октябре–ноябре 1905 г. стачечное движение приобрело новый импульс в связи с проведением Всероссийской Октябрьской политической стачки и Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Широкое развитие получило профессиональное рабочее движение.

Специфическое движение по захвату в свои руки заводов. На 15-ти из них (Мотовилихинском, Златоустовском, Усть-Катавском, Белорецком, Ижевском и др.) – рабочие изгнали заводскую администрацию. В ряде заводских поселков (Мотовилиха, Куса, Чермоз, Воткинск и др.) власть фактически перешла в руки Советов рабочих.

В декабре 1905 г. произошло вооруженное восстание рабочих в Мотовилихе, а в Уфе, Челябинске, Чусовском и Вятке – вооруженные столкновения рабочих с полицией. С 1906 начался спад и отступление революции.

Движение рабочих Урала в 1905–1907 гг. характеризуется в новейшей отечественной историографии в значительной степени стихийным. В нем подчеркивают заметное проявление анархо-бунтарских и анархо-синдикалистских тенденций. В то же время, в отличие от западно-европейской и американской историографии, российские историки не склонны преувеличивать их масштабы. В своей основной массе, по их мнению, уральские рабочие действовали сплоченно, сознательно и организованно. Хотя влияние политических партий тогда еще не охватывало всю массу рабочих, однако, авангард уральских рабочих все годы революции уверенно шел за большевиками. Только на некоторых заводах преобладало влияние эсеров, которые своей социальной опорой считали крестьянство и сосредоточили свои основные силы на агитационной работе среди крестьян.

Революция 1905–1907 гг. сопровождалась ростом крестьянского движения во всех губерниях Урала, принимая преимущественно форму захвата помещичьих земель, порубок казенных и частновладельческих лесов. Наиболее массовый характер оно приобрело осенью 1905 – осенью 1906 гг. Под влиянием агитации социал-революционеров и социал-демократов усилилась его политическая окраска. Осенью 1905 г. по инициативе Всероссийского крестьянского союза, руководимого либеральной интеллигенцией, уральское крестьянство приняло участие в составлении приговоров и наказов на имя губернаторов и верховной власти с требованием созвать Государственную думу, снизить налоги, расширить крестьянские наделы [64].

Революция 1905–1907 гг. способствовала оживлению русского национализма в крае. Его появление было отражением общей тенденции, характерной для страны в целом, и по своей сути являлось реакцией определенной части общества на переживаемый кризис социально-политического строя и попыток его преодоления на пути либеральных реформ, поддерживавшихся определенными правительственными кругами и тем более – против радикальных проектов, выдвигаемых в левом лагере. Выразителями идеологии русского национализма на Урале стали местные отделы право-монархических партий. Национальная составляющая являлась одной из ведущих в системе идейных принципов, поднятых ими. Рост политической активности нерусских народов в условиях начавшейся революции, появление политических партий и объединений на национальной основе, вызывали серьезное беспокойство в русскоязычной части населения края, опасавшейся в случае малейшего ослабления самодержавного режима утраты своих позиций «коренной нации». Экономической подоплекой подобных опасений выступала нарастающая конкуренция в среде мелких и средних производителей и части рабочих в связи со втягиванием экономики края в общенациональные и мировые рыночные отношения и неизбежной ее интернационализации. Кроме того большинство рядовых представителей русского населения края осознавали несоответствие их реальных условий жизни исторически утвержденному и официально признанному господствующему положению в империи, что позволяло им поставить вопрос о восстановлении утраченного привилегированного статуса [65]. Дополнительным фактором роста националистических настроений в русской части населения страны и Урала явилось переживаемое ими чувство униженного национального достоинства в связи с поражением в русско-японской войне 1904-1905 гг.

Первые организации появились осенью 1905 г. Начало политической борьбы по выборам в Государственную думу способствовало их дальнейшему развитию. В этот период происходило укрепление организационных структур уже созданных союзов, выработка ими своих программных и уставных документов, избирательной платформы. В 1905–1907 годах право-монархическим организациям Урала удалось наладить выпуск пяти газет. На их страницах отразились факты обмена информацией между монархическими союзами Уфы и Перми, Перми и Вятки, о поддержке уральскими право-консервативными организациями контактов с монархическими центрами Казани и Астрахани. Под влиянием последних была предпринята попытка к созданию Волжско-Уральского регионального объединения право-монархических союзов. В этой связи было достигнуто соглашение об объединении Астраханской монархической партии и отделов Царско-народного русского общества в Казанской и Уфимской губерниях. Однако устойчивых межрегиональных объединений достичь не удалось.

Действия к расширению сети право-монархических союзов и установлению между ними горизонтальных и вертикальных связей предпринимали и центральные монархические организации. Особую активность в этом отношении проявил Союз Русского народа, созданный в ноябре 1905 г. в Петербурге. Архивные данные свидетельствуют, что уже с конца 1905 г. Главный Совет Союза Русского народа прилагал свои усилия к созданию местных отделов и опорных пунктов на Урале, и, прежде всего, на основных железнодорожных узлах.

Со второй половины 1906 г. создание право-монархических союзов на Урале приняло массовый характер. Преобладающее место среди них заняли отделы Союза Русского народа. В течение 1907 г. практически во всех уездных городах Пермской и Уфимской губерний возникли уездные отделы; одновременно шло распространение этой формы организации и в сельской местности. Отделы Союза русского народа обнаружены и в ряде уральских заводов: Пермском пушечном, казенном Юго-Камском, Надеждинском, Юговском, Нытвенском, Березовском, Агитском, в мартеновских цехах Ашинского и Златоустовского заводов.

В Вятской губернии развитие сети союзных организаций шло параллельно с распространением отделов Вятской Народно-монархической партии. В Оренбургской губернии нами выявлено только два отдела Союза Русского народа – в Оренбурге, и ст. Челябинск Сибирской железной дороги [66].

Привлеченные нами источники позволили внести существенные коррективы в представления о степени распространения право-монархических отделов на Урале в период Первой русской революции. По нашим данным в 1905–1907 гг. действовали 82 комитета. Они были и наиболее массовыми, объединяя в своих рядах около 11,7 тыс чел., что превышало численность кадетских – в 3,6 и октябристских – в 4,8 раза и было сопоставимо с леворадикальными силами [67].

Формирование право-монархических комитетов на Урале опиралось на идейное обеспечение со стороны Русского Собрания. Его политическое кредо о приверженности и поддержке трех основных святынь: православия, самодержавия, народности легло в основу политических программ всех уральских монархических организаций и определяло позицию по национальному вопросу. Так, основными устоями Российского государства программа Вятской народной монархической партии полагала «религию, Царя – Кормчего государственного корабля и главенство во всем русской народности» [68].

Русскому народу отводилось в программных документах уральских правых «всеобъединяющее» и «всеподчиняющее» начало, за другими же признавалась свобода во всем, «что этому объединению и этому подчинению не препятствует» [69]. Исходя из этого основного положения формулировались и другие: развитие просвещения в России на началах русской государственности, преобладание русского языка как государственного, решение племенных вопросов «сообразно степени готовности отдельной народности служить России и Русскому народу в достижении общегосударственных задач» [70].

Отождествляя себя с державной нацией – русскими – консерваторы были склонны связывать социальные и политические конфликты с этническими и конфессиональными противоречиями [71].

Распространение революционного движения в учебные заведения, государственные и общественные учреждения, манифестации и митинги с красными флагами под лозунгом «Долой самодержавие»; острая критика в адрес императора и царствующей династии, русской православной церкви и ее священнослужителей, представителей местной власти, воспринимались определенной частью общества как прямое оскорбление их национальных, патриотических и религиозных чувств. Причины переживаемой смуты виделись ими прежде всего в устремлениях инородцев и их главного орудия – левых партий – подорвать устои русской государственности. Манифест 17 октября был воспринят ими как «уступка», вырванная у царя силой. Отношение их к будущей Думе было неоднозначным. В верноподданнических адресах на имя монарха они выражали мнение о поспешности принятия законодательных актов о созыве Думы в условиях революции, считая, что в силу этого обстоятельства они не смогут «умерить требования радикалов» и «успокоить страну». Кроме того, они выражали опасение в том, что с избранием такой Думы «самодержавной власти грозит умаление, а затем и уничтожение и ее и самой монархии в России». В то же время они осознавали невозможность не только отмены, но и критики уже изданных Верховной властью законодательных мер. В связи с этим они предлагали воспользоваться мировым опытом и, не повторяя ошибок Людовика XVI, найти способы, могущие не допустить «превращение государственного строя из самодержавного в парламентарный». Наиболее безболезненным им виделся путь издания нового закона о Государственной думе на основе системы выборов, согласующейся с уровнем общей и политической культуры населения. Его они связывали прежде всего с неизбежным радикальным составом будущей Думы, избираемой в условиях революции и на основе действующего избирательного закона. Предполагая, что будущая Дума «выберет путь незаконного захвата не предоставленных ей прав», они допускали возможным и необходимым для правительства ее роспуск в целях защиты законности и порядка, а также «издание нового для нее положения и новой системы выборов» [72]. С этим они связывали единственно возможный путь мирного разрешения конфликта.

Защищая идею самодержавия, уральские консерваторы ссылались на особенность менталитета русского народа, его приверженность традициям предков: «...никаких ограничений Высочайшей власти быть не должно: русский народ и воинство никогда этого не допустят, ибо знают, что ограничение власти царской будет в ущерб народу» [73].

Преимущество российской монархии видели они и в том, что во главе нее стоял русский православный царь. «И необходим именно царь, а не президент, т.к. президентом может быть избран и поляк, и еврей, и магометанин, но тогда он будет уже не представителем истинно русского народа, а разных народностей, населяющих Россию, а самое значение коренной русской народности – победителя – потеряет для него дорогое и священное [74].

Перевод важнейших общественных проблем – социальных, экономических, политических и правовых – в категорию национальных, как отмечает Д.И. Раскин, был удобен для внедрения праворадикальных идей в массовое сознание, так как давал им предельно ясную картину мира, разделенного на своих и чужих. Он же, считает автор, позволял им не разрабатывать подробной и обоснованной партийной программы [75].

Однако под влиянием объективных обстоятельств, уральские правые, как и консерваторы страны в целом, вынуждены были отреагировать на происходившие перемены в политической и социальной сферах. Не настаивая на безусловном сохранении существовавших порядков, они выступили сторонниками консервативного реформирования. Эта позиция более значимо проявилась на выборах во II Думу. В соответствии с установками центральных организаций конкретизировалась избирательная платформа уральских монархистов. Они расширили требования в области социально-экономических отношений, что сближало их платформу с платформой умеренных партий. Наряду с защитой частной собственности на землю выдвигались требования ликвидации неравноправия крестьян, передачи им на выгодных условиях государственных земель, улучшения переселенческой политики. В рабочем вопросе они предлагали упорядочить условия труда, ввести государственное страхование [76]. Главной целью преобразовательного процесса считали они укрепление Российского государства как на международной арене, так и в связи с внутренней революционной смутой. В этой связи приоритетными задачами выдвигались сохранение и укрепление духовных и бытовых интересов русского народа как носителя традиционных основ государственности. Так председатель Пермского отдела СРН Подбельский, критикуя программы либеральных партий, подчеркивал, что «как бы реформы в теории не были хороши, жизненны и плодотворны лишь те, которые коренятся в бытовом историческом строе русского народа (а не инородцев) и не в политических формах изобретаемых той или другой партией [77].

Выдвижение на первое место интересов русского народа исходило из тождества правыми русского национального и государственного начал. «Мы не террористы справа, как беззастенчиво, без всяких оснований повсюду кричат наши противники, мы не человеконенавистники, как хотят уверить всех те же радикалы и их преспешники слева... мы всецело проникнуты одним искренним желанием принести успокоение стране, мы не ретрограды, защищающие отживший строй, но, наоборот, мы готовы всей душой приветствовать реформы и содействовать проведению их в жизнь, лишь бы они не шли вразрез с духом русского народа, вытекали бы из народных потребностей, а не были бы ему насильно навязаны» [78].

Лозунг «Россия для русских!» был взят на вооружение всеми уральскими правыми партиями. Для них было характерным недоверие к другим народам в их способности отстаивать общегосударственные цели. «У русского человека есть своя родина, свой язык, своя вера и своя форма правления, которые и должны быть дорогими и священными для всех истинно русских, и конечно не для магометан или евреев, которым родина и в Турции, и в Персии, и в Америке, хотя они и подданные России» [79]. В печати и в устной пропаганде в условиях Первой российской революции лозунг «Россия для русских» нередко приобретал воинствующее звучание. Так, передовица пермских союзников, по поводу требования депутатами I Думы основных демократических свобод граждан, в том числе юридического и гражданского равенства всех, писала: «Недовольные инородцы должны понять, что, если в России им живется плохо, то никто и ничто не стесняет их свободы переехать в другое государство и принять другое подданство...» [80]. Однако столь категоричные заявления не были поддержаны местным обществом. Уже в следующем номере газета вынуждена была внести существенные коррективы в толкование тезиса о примате интересов русских. «Будем объяснять народу, что ни евреи, ни поляки, ни киргизы не враги наши, а наши сограждане, но в то же время будем и учить, как и что нужно для того, чтобы избежать эксплуатацию наших сограждан и братьев, и почему в России управление государством должно исходить только от русских, а не от инородцев; почему преобладающее влияние и религиозное вершение государственных нужд и потребностей должно зависеть только от русских» [81].

С течением времени осторожная линия в национальной политике стала основной в пропаганде и практической деятельности уральских монархистов. Уже на выборах во II Думу они выдвинули в своей предвыборной программе лозунг «равенство всех русских подданных перед законом» [82]. Такой подход предполагал подчинение интересов отдельных народов интересам не господствующей этноконфессиональной группы, а государству в целом и сохранение своеобразия каждого народа страны [83]. О приверженности данной линии заявляли лидеры уральских монархистов и после принятия нового избирательного закона в ходе выборов в III Думу [84].

Таким образом, революция 1905–1907 гг. способствовала оживлению русского национализма на Урале, идейному самоопределению русского населения в условиях социальной и политической активизации инородческого населения края. Выразителем идеологии «русского национализма» стали местные отделы право-монархических партий. Именно с сохранением основ существовавшей политической системы связывали их участники возможность сохранения своих позиций «коренной нации». Среди основной массы участников данного движения «русский национализм» выступал в качестве концепции гражданско-политического единства, воспринимавшегося необходимым в условиях переживаемого политического кризиса. В 1905–1907 гг. он явился существенным фактором общественно-политической жизни, определяя социальную активность и поведение значительных групп общества. Однако в условиях дальнейших глубоких политических и социально-экономических сдвигов, политических успехов либеральных и социалистических партий, выдвигавших широкий комплекс мер по преобразованию всех сфер жизни общества и государства, позиции уральских националистов были существенным образом потеснены. В то же время русский национализм, тесно связанный с монархической идеей оказался на Урале устойчивым вплоть до Февральской революции. В последующий период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции он претерпел идейную и организационную эволюцию, но сохранял проявление вплоть до начала 20-х годов XX в. [85].

Подводя итог обзору литературы, вышедшей в последнее десятилетие по тематике Первой российской революции, следует отметить некоторые характерные моменты. Прежде всего, обращает внимание сокращение монографических работ по проблеме революции 1905–1907 гг. как в отечественной, так и в зарубежной историографии, отсутствие обобщающих изданий, которые бы освещали данные события соответственно современному уровню развития исторической науки.

На лицо смещение интереса исследователей от собственно революционной тематики (истории массовых революционных движений основных социальных групп российского общества и политических партий, отражавших их интересы) к истории контрреволюции, реформаторской деятельности правительства в условиях революции.

Заметно повышение интереса к изучению реформаторского процесса как такового и влиянию на него революционных событий 1905–1907 годов.

Имеет место расширение тематики исследований по отдельным аспектам истории Первой российской революции, в том числе по истории несоциалистических партий и движений, деятельности отдельных лидеров политической и общественной жизни в 1905–1907 годах и др. В этом направлении успехи отечественной историографии несомненны.

Меняется методология исследования: все более прочные позиции занимает цивилизационный подход, активно внедряются достижения западной историографии.

Заметно смещение акцентов в оценке исторических событий 1905–1907 годов в сторону дегероизации революции, участников революционных боев. По-разному оценивается и сама революция в целом, ее роль в развитии страны на рубеже XX в.

Состояние новейшей отечественной историографии этого чрезвычайно важного периода в истории Российского государства и общества обуславливает необходимость дальнейших исследований. Наиболее перспективными направлениями представляются следующие:

- реформаторский процесс на рубеже XIX–XX вв. и влияние на него Первой российской революции;
- проблемы альтернативности исторического развития на рубеже XIX–XX вв.;
- массовые социальные движения в условиях революции 1905–1907 гг.;
- история этнических процессов в России начала XX в., их внутренняя специфика; воздействие на них революционных событий;
- революция и общество; революция и человек;

– содержательная сторона деятельности Государственной думы и Государственного совета в условиях революции; выяснение причин неудачи первого опыта российского парламентаризма; активизация регионального подхода, позволяющего выявить взаимодействие высшего представительного учреждения страны со своими избирателями;

– комплексный подход к изучению истории политических партий правого спектра, как на общероссийском, так и на региональном уровне, позволяющий проследить социальную природу, психологические и идейные истоки консерватизма, раскрыть его сущность и политические формы проявления в условиях революции;

– «монархизм» в культуре и менталитете народа и воздействие на него событий 1905–1907 гг.;

– российская революция в мировой истории.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00500 а/Т.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исторический опыт трех российских революций. В 3-х т. Т. 1. Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985. – 575 с.; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин М.А., Шелохаев В.В. История политических партий периода первой русской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. – 1985, № 7.

2. История Европы. Т. 5. М., 2000 – 667 с.; Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. / Под общ. ред. Г.Н. Севастьянова; [Сост. С.М. Исхаков]. – М.: Наука, 2002; Реформы или революция?: Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума истор.-в. 4–7 июня 1990 г. – СПб., 1992. – 264 с.; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всеросс. научн. – практич. конфер. Ростов на Дону, 25–26 мая 2000 г. М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.

3. 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: Материалы международной конфер. 17–18 октября 1995 г. г. Москва при поддержке РГНФ. – М.: Наука, 1996. – С. 5.

4. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1992. – С. 293–294; Дякин В.С. Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX вв.) // Реформы или революция?: Россия, 1861–1917... С. 188–199; Шепелев Л.Е. Проблемы развития промышленности и рабочий вопрос в России в 1904–1914 гг. // Там же. – С. 223–224.

5. Петушков М.С. Аграрный вопрос и революция // Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001. – С. 248; Джурович Б. Аграрный вопрос и революция // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века... – С. 21.

6. Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992; Геттерел П. Экономическое и социальное развитие России в начале XX в. // Реформы или революция?: Россия, 1861–1917... С. 184.

7. Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917). Документы и материалы. М., 1995.

8. Дякин В.С. Указ. соч. – С. 198; Ковальченко И.Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция?: Россия, 1861–1917... С. 246–261.

9. Бовыкин В.И. Экономическое развитие России и революционное движение Реформы или революция?: Россия, 1861–1917... С. 206.

10. Джурович Б. Указ. соч. С. 23.

11. Волобуев В.П. 1905 г. – начало революционных потрясений в России XX в. // 1905 год – начало революционных потрясений в России... – С. 11; Шацилло К.Ф. Альтернативы социально-политического развития России в начале XX в.: коррективы в традиционных представлениях // там же. С. 38–39, 48, 52.

12. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс // Реформы или революции?.. – С. 8; Ганелин Р.Ш. Первая российская революция и государственные преобразования // 1905 год – начало революционных потрясений в России... – С. 142.
13. Ганелин Р.Ш. Кризис самодержавного строя и поиски выхода из него в 1905–1907 гг. // 1905 год – начало революционных потрясений в России... – С. 152–155.
14. Дякин В.С. Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX вв.) // Реформы или революции... – С. 188–199.
15. Геттерел П. Экономическое и социальное развитие России в начале XX в. // Реформы или революции?.. – С. 185–186.
16. Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И. Стачное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (опыт корреляционного анализа) // История СССР, 1986, № 8.
17. Бовыкин В.И. Экономическое развитие России и революционное движение // Реформы или революции?.. – С. 206.
18. Кирьянов Ю.И. Менталитет российского рабочего в начале XX в. // 1905 год – начало революционных потрясений в России... – С. 92–108.
19. Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. Сб. ст. / Отв. Ред. С.И. Потолов. СПб., 1994.
20. Лобачева Г.В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX веков). Саратов, 1999. – 228 с.; Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001. – 640 с.
21. Кирьянов Ю.И. Указ. соч. – С. 92–109.
22. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. М., 1991. – С. 283–285; Жидков В.С., Соколов К.Б. Указ. соч. С. 403.
23. Коробков Ю.Д. Между двуглавым орлом и красным знаменем; Общественное сознание российского общества в 1917 г. Магнитогорск, 2000. – 128 с.; Фриз Грегори. Церковь и власть. Политический спектакль? // Знание – сила, 1991, № 2, С. 41; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. – 400 с.
24. Лобачева Г.В. Указ. соч. С. 4.
25. Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 96–102.
26. Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914 гг.). М., 1991. – 205 с.; Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб., 1997. – 316 с.; Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997. – 134 с.; Сидоренко Н.С. Правая печать на Урале в годы Первой русской революции // Уржумка, 2002, № 2.
27. Лихоманов А.В. Указ. соч. С. 18–21, 60–64, 112, 114.
28. История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994. – 447 с.; Политические партии России. Энциклопедия. М., 1996. – 800 с.; Кураева А. Партии и массовые организации в Первой русской революции. М., 2000. – 203 с.; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории М., 1996; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российского либерализма (1907–1914 гг.). М., 1991. – 194 с.; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. в 2-х ч. Челябинск, 1995; Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 гг.). Омск, 1999. – 123 с. и др.
29. Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 тт. Т. 1. 1906–1908 гг. М., 2001. – 926 с.; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х тт. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1996. – 512 с.; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1996. – 744 с.; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. – 832 с.; Союз эсеров-максималистов 1906–1924 гг. Документы, публикации. М. 2002. – 423 с.; Правые партии: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1.: 1905–1910 гг. М., 1998. – 718 с.
30. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993, М., 1994; Российские реформаторы. М., 1995; Глинка Я. Одиннадцать лет в Государственной Думе 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. – 392 с.; Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917): В 2-х т. М., 1990; Зырянов П.Н.

- Петр Струве: Политический портрет. М., 1992; Гусев К.В. Виктор Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999. – 207 с.; Тютюкин С.В. Плеханов В.Г. Судьба русского марксиста. М., 1997. – 376 с. и др.
31. См., например, Жидков В.С., Соколов К.Б. Указ. соч. С. 418.
  32. Шелохаев В.В. Становление многопартийности // 1905 год – начало революционных потрясений в России... – С. 26–27, Мамонов В.Ф. История общественных движений и политических партий России. Челябинск, 1993. – С. 3–16.
  33. Беленький И.Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) // Россия и современный мир, 2001, № 4. С. 245–262; Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения: «Круглый стол» // Отечественная история, 2001, № 3, С. 103–133; Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа. 1907–1914 гг. Пермь, 2001. – 212 с., Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1997. – 383 с.; Российский консерватизм: теория и практика: Сб. научн. трудов. Челябинск, 1999. – 119 с. и др.
  34. Степанов С.А. Указ. соч.; Алексеев И.Е. Черная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001. – 334 с.; Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале (1905 – февраль 1917 гг.). Челябинск, 2000. – 212 с.
  35. Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции М., 2001. – 384 с.; Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М. международной конференции. М., 1999; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России М., 1996.
  36. История политических партий России... – С. 64, 89, 113; Политические партии России. Энциклопедия... – С. 267, 576.
  37. Раусон Д. Монархические и черносотенные партии и организации в России периода Первой русской революции. (1905–1907). Кембридж, 1995. – 286 с.; Вебеси Георги. Деятельность монархических и черносотенных партий и организации в России периода империализма (2-я пол. 90-х гг. XIX в. – 1917 г.). Будапешт, 1999. – 331 с.
  38. Лукьянов М.Н. Дон К. Раусон Российские правые и революция 1905 года // Вопросы истории, 1997, № 5. – С. 57–159.
  39. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Степынин В.А. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 гг. Воронеж, 1991. – 167 с.; Салтык Г.А. Создание и деятельность партии социалистов-революционеров в губерниях Черноземного Центра России (конец XIX – октябрь 1917 г.). Курск, 1999. – 218 с.; Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в 1905–1914 гг. Челябинск, 1995. – 232 с.
  40. Тютюкин С.В. Накануне столетия Первой революции в России (историографические заметки) // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России: Сб. ст. к 60-летию проф. В.В. Шелохаева. М., 2001. – С. 19–20; Э.Е. Писаренко. Ключ к пониманию истории меньшевизма / Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74, № 1. – С. 81–83.
  41. Гайфман А. Террор в политической борьбе и революционном движении России (1894–1917 гг.). 1993. – 376 с.
  42. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991; Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 161.
  43. Ганелин Р.Ш. Кризис самодержавного строя и поиски выхода из него в 1905–1907 гг. // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века... – С. 149–150.
  44. Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. – 368 с.; Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. – 216 с.; Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. М., 1996. – 240 с.
  45. Бородин А.П. Указ. соч. С. 235.
  46. Шевырин В.М. Первый опыт российского парламентаризма // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века... – С. 162–163.
  47. Демин В.А. А.П. Бородин. Государственный совет России (1906–1917) // Вопросы истории, 2000, № 7. С. 161.

48. Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. – 216 с.; Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996. – 240 с.; Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. 670 с.
49. Демин В.А. Указ. соч. С. 74.
50. Там же. С. 78; Смирнов А.Ф. Указ. соч.
51. Шевырин В.М. Указ. соч. – С. 171.
52. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) М., 2003.
53. Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993; Династия Романовых в истории России // Уральский исторический вестник, 1994, № 1. С. 165–166; Пролубников А.В. Идея монархической государственности. М., 2002. – 224 с.; История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000. – 193 с.; Любош С. Последние Романовы. М., 1990; Исаев И. Превращения монархической идеи // Родина, 1993, № 1; Полунов А.Ю. Романовы: между историей и идеологией // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. – С. 83–99.
54. Волобуев О.П. Указ. соч. – С. 10–11; К.Ф. Шаццлло. Предисловие // Дневники императора Николая II. М., 1992. – С.3; Шевырин В.М. Указ. соч. – С. 171; Шелохаев В.В. Предисловие // Демин В.А. Государственная дума... – С. 3.
55. Кузнецов В.Д. Империя двуглавого орла накануне XIX в. // История российской монархии... – С. 101–104.
56. Боханов А.Н. Указ. соч. – С. 47.
57. Исхаков С.М. Революция 1905–1907 гг. и российские мусульмане // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века... – С. 192–208; Он же. Мусульманский либеральный консерватизм в России в начале XX в. // Либеральный консерватизм... – С. 362–370; Он же. Перемены в России и мусульманское население. Начало XX в. (Историографический обзор) // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 474–506; Он же Мусульманская культура и российские мусульмане в начале XX в. // Право, насилие, культура в России: региональный аспект (первая четв. XX в.). М. – Уфа, 2001. – С. 26–58.
58. См. Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995. С. 128; Гришин Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань. 1995. – С. 84.
59. Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственной Думе России. М., 1999. – С. 7, 109–110.
60. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза – М., 2001; Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические опыты. – СПб., 1992.
61. Лукьянов М.Н. Российские консерваторы и реформа, 1911–1914. – Пермь. – 2001.
62. История Урала в период капитализма. Екатеринбург, 1990. – С. 103; Сидоренко Н.С. Указ о введении начал веротерпимости и общественно-политическое движение на Урале (1905–1907 гг.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. – Челябинск, 1995. – Ч. 1. – С. 165.
- 63
. Урал в панораме XX в. Екатеринбург, 2000. – С. 25–68.
64. История Урала в период капитализма. Екатеринбург, 1990. – С. 269–311; Урал в панораме XX в... – С. 73–80; Юдина Л.С. Указ. соч.; Гаврилов Д.В. Анархо-бунтарские и анархо-синдикалистские черты в рабочем движении на Урале в период революции 1905–1907 гг: новые подходы и проблемы // Первая российская революция 1905–1907 гг. в свете нового исторического мышления. Горловка, 1990. Т. 1. С. 96–97.
65. Алексеев И.Е. Указ. соч. С. 27.
66. ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 632. Л. 1.
67. В исследованиях И.В. Нарского приводятся данные о 32-х отделах КДП (3 100 чел.), 37-ми отделах Союза 17 октября (4 600 чел.), 54-х отделах СРН (11 500 чел.). С.А. Лоскутов выявил дополнительно 12 отделов либеральных партий и оценил их численный состав приблизительно равным – по 3 300 чел. См. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 1. Челябинск, 1995. – С. 87–88; Лоскутов С.А. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905–1916). Челябинск, 1995. – С. 47, 48
68. ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 633. Л. 1 об.

69. Там же. Л. 2 об.
70. Там же. Л. 3.
71. Лукьянов М.Н. Российские консерваторы и реформа, 1917–1914. – Пермь. – 2001 – С. 71.
72. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1065. Л. 2.
73. Уфимские губернские ведомости. – 1905. – 5; 10 февр.
74. Пермский вестник. – 1907. – 29 сент.
75. См. Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX вв. / Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические опыты. – СПб., 1992. – 1. – С. 16.
76. ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 633. Л. 2 об.
77. Пермский вестник. – 1907. – 27 янв.
78. Там же.
79. Там же.
80. Там же. 1907. – 26 мая.
81. Там же. – 2 июня.
82. Там же. – 26 мая.
83. Лукьянов М.Н. Указ. соч. С. – 104.
84. Пермский вестник. – 1907. – 29 сент.
85. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 2001. – С. 101, 117, 118, 182, 184, 186, 1013 и др. Т. 2. – С. 55, 89, 111, 112, 131 и др.; Т. 3. – С. 183, 187, 191, 236, 237, 244 и др.